

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-11>

УДК 159.9:316.624

Attribution

cc by

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА НЕЭТИЧНОЙ КРЕАТИВНОСТИ И ЕГО СВЯЗИ
С ТЕМНЫМИ ЧЕРТАМИ ЛИЧНОСТИ И КОРРУПЦИОННЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ

Максименко А.А.¹, Дейнека О.С.², Загладина А.Р.³

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»^{1,3}

Санкт-Петербургский государственный университет²

Аннотация. Цель исследования состояла в разработке и психометрической проверке опросника неэтичной креативности, а также в оценке его связей с темными чертами личности и коррупционными намерениями. Выборка составила 722 человека (средний возраст 38,5 лет, 56,1% женщины), проживающих на территории России. Для проверки конвергентной валидности использовались методики диагностики макиавеллизма, субклинической психопатии, скрытого нарциссизма, психологического превосходства, ориентации на социальное доминирование и коррупционных намерений. Эксплораторный факторный анализ выявил 2-х факторную структуру опросника: «Рационализация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений». Шкала продемонстрировала высокую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,918$; $\omega = 0,918$). Оба фактора положительно коррелируют с темными чертами личности и коррупционными намерениями, наиболее сильно – с психологическим превосходством и интенцией коррупционного поведения. Разработанный опросник может быть использован в исследовательских и прикладных целях для диагностики когнитивных механизмов оправдания неэтичных поступков и профилактики коррупционного поведения.

Ключевые слова: аморальная креативность, неэтичная креативность, психология коррупции, коррупционные намерения, темная пятерка, ориентация на социальное доминирование, разработка методики, психометрические свойства, факторный анализ, российская выборка.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-28-01362 «Исследование социально-психологических предикторов формирования склонности к коррупции и воспринимаемого наказания: роль и значение медиаторов».

Original article

WHERE DOES MENTAL FLEXIBILITY END AND FLEXIBILITY OF CONSCIENCE BEGIN? DEVELOPMENT OF THE AMORAL CREATIVITY QUESTIONNAIRE AND ITS RELATIONS WITH DARK PERSONALITY TRAITS AND CORRUPT INTENTIONS

Alexander A. Maksimenko¹, Olga S. Deyneka², Alexandra R. Zagladina³

HSE University,^{1,3}

St. Petersburg State University²

Abstract. The aim of the study was to develop and psychometrically validate the Amoral Creativity Questionnaire and to assess its relationships with dark personality traits and corrupt intentions. The sample comprised 722 respondents (mean age 38.5 years, 56.1% female) residing in Russia. To assess **convergent** validity, measures of machiavellianism, subclinical psychopathy, covert narcissism, psychological superiority, social dominance orientation, and corrupt intentions were administered. Exploratory factor analysis revealed a two-factor structure: Rationalization of Violations and Cognitive Flexibility in Justifying Violations. The scale demonstrated high internal consistency ($\alpha = .918$; $\omega = .918$). Both factors positively correlated with dark personality traits and corrupt intentions, with the strongest correlations observed for psychological superiority and behavioral intention. The developed questionnaire can be used for research and applied purposes to diagnose cognitive mechanisms of justifying unethical behavior and to prevent corrupt behavior.

Keywords: amoral creativity, unethical creativity, psychology of corruption, corrupt intentions, dark personality traits, social dominance orientation, scale development, psychometric properties, factor analysis, Russian sample.

Funding: The work was supported by Russian Science Foundation grant No. 25-28-01362 "Study of socio-psychological predictors of the formation of propensity to corruption and perceived punishment: the role and significance of mediators."

Введение.

Креативность традиционно рассматривается как позитивная личностная черта, связанная с генерированием новых идей, нестандартным решением проблем и

инновационным мышлением. Однако в последние десятилетия в психологической литературе все чаще обсуждается ее «темная сторона» – способность использовать творческие способности для оправдания не-

этичных поступков, обхода правил и получения личной выгоды в ущерб моральным нормам [1]. Основопологающей в этом направлении стала работа К. Кларка и К. Джеймса [2], которые впервые ввели понятие «негативной креативности» (negative creativity), описывающей случаи, когда творческий процесс приводит к негативным последствиям даже при отсутствии злого умысла. Позднее этот феномен получил более широкое осмысление в рамках исследований «злонамеренной креативности» (malevolent creativity) – использования оригинального мышления для достижения эгоистичных, негативных или откровенно злых целей [3].

Важным теоретическим вкладом в понимание данного феномена стала модель аморальной темной креативности, предложенная Х. Капур и Дж. К. Кауфманом [4], которая описывает творчество как процесс, включающий предшествующие условия, когнитивные и поведенческие механизмы к реализации. Согласно этой модели, аморальная креативность предполагает использование оригинального мышления для достижения эгоистичных или неблаговидных целей, причем не обязательно с намерением причинить вред. Авторы подчеркивают, что креативный процесс сам по себе внеморален по своей природе и лишь определенные условия: моральные убеждения, личностные ценности и культурные нормы придают ему этическую окраску [4].

Эмпирические исследования убедительно демонстрируют связь креативности с неэтичным поведением.

Так, в серии экспериментов Ф. Джино и Д. Ариели [5] было показано, что люди с творческими личностными чертами склонны к большему обману, чем менее креативные индивидуумы, причем диспозиционная креативность оказалась более сильным предиктором неэтичного поведения, чем интеллект. Исследователи объясняют этот эффект тем, что креативность повышает способность человека находить оправдания для своих действий, а именно: конструировать убедительные нарративы, позволяющие воспринимать нарушение правил как оправданное или даже необходимое действие. Последующие исследования подтвердили, что креативность одинаково связана с генерацией как этических, так и неэтических оправданий, однако именно способность продуцировать убедительные обоснования для нарушения норм делает креативных людей более склонными к неэтичному поведению [6].

Механизмы, лежащие в основе этой связи, активно исследуются в рамках теории отчуждения моральной ответственности [7]. Согласно этой теории, люди используют когнитивные стратегии (моральное оправдание, эвфемистические ярлыки, смещение и рассеивание ответственности, искажение последствий, дегуманизацию и атрибуцию вины), чтобы временно «отключать» внутренние моральные запреты при совершении неэтичных поступков.

Ким с соавторами [8] предложили двойную модель неэтичного поведения, согласно которой моральное отчуждение и моральное воображение выступают

как два параллельных механизма, причем активация того или иного механизма зависит от моральной идентичности личности.

Исследования показывают, что творческие личности с высокой моральной идентичностью реже используют моральное отчуждение и реже ведут себя неэтично [9].

В то же время, люди с выраженными темными чертами личности (макиавеллизмом, психопатией и нарциссизмом) демонстрируют более высокие показатели злонамеренной креативности [10].

Несмотря на растущий интерес к феномену аморальной или неэтичной креативности и наличие теоретических моделей, в русскоязычной психологической литературе отсутствуют инструменты, позволяющие диагностировать ее когнитивный аспект – способность к «гибкости совести», при которой моральные ограничения не исчезают, а творчески переосмысливаются, уступая место инструментальной логике достижения целей.

Разработка такого инструмента нам представляется актуальной не только для фундаментальных исследований психологических механизмов неэтичного поведения, но и для прикладных задач в области кадровой диагностики, антикоррупционного рекрутинга и профилактики неэтичного поведения в организациях [11].

Цель исследования.

Настоящее исследование было предпринято с целью разработать опросник неэтичной креативности и осуществить его психометрическую проверку, включая оценку его надежности (внутренней согласованности), факторной (конструктивной) и конвергентной валидности.

Материалы и методы.

Выборка и процедура исследования. В онлайн-опросе, проведенном 30 августа 2026 года с использованием онлайн-платформ «Анкетолог» и «Яндекс Задания», приняли участие 722 человека, соответствующих заранее заданным критериям: совершеннолетние, постоянно проживающие на территории России и достаточно владеющие русским языком для самостоятельного заполнения опросных методик. Сбор данных осуществлялся за условное вознаграждение. Средний возраст участников составил 38,5 лет ($SD = 11,8$; медиана = 38), при этом женщины составили 56,1% ($n = 405$), мужчины – 43,9% ($n = 317$). По уровню урбанизации места проживания распределение оказалось следующим: в районных центрах проживали 22,3% респондентов ($n = 161$), в областных центрах – 29,8% ($n = 215$), в мегаполисах (за исключением Москвы) – 32,8% ($n = 237$), в Москве – 15,1% ($n = 109$). Образовательный уровень участников варьировался: среднее образование имели 30,5% ($n = 220$), неполное высшее – 16,1% ($n = 116$), базовое высшее (бакалавриат) – 13,4% ($n = 97$), полное высшее (специалитет) – 28,0% ($n = 202$), полное высшее (магистратура) – 10,4% ($n = 75$), аспирантуру или ученую степень – 1,7% ($n = 12$). Степень религиозности распределилась следующим образом: 28,0% ($n = 202$) сочли себя совсем не религиозными,

40,0% (n = 289) – не очень религиозными, 27,8% (n = 201) – довольно религиозными, 4,2% (n = 30) – очень религиозными. Субъективная оценка дохода показала, что большинство участников относят себя к среднему уровню (58,3%, n = 421), тогда как низкий доход указали 27,7% (n = 200), сводящих концы с концами оказалось 9,8% (n = 71), высокий доход – 3,3% (n = 24), очень высокий – 0,8% (n = 6).

Методы и материалы исследования.

Для диагностики когнитивных механизмов оправдания и рационализации неэтичных поступков нами был разработан Опросник неэтичной креативности. Конструирование пунктов опросника осуществлялось в русле теоретических представлений модели аморальной темной [4], что позволило перевести ее концептуальные положения на уровень эмпирических индикаторов. Опросник состоит из 9-ти утверждений, с которыми нужно было выразить степень согласия/несогласия по шкале Р. Лайкерта, и первоначально он включал 3 субшкалы по 3 утверждения на каждую: «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» – способность быстро находить аргументы, объясняющие, почему в конкретной ситуации правило можно не соблюдать; «Изобретательность в обходе правил и морально-этических ограничений» – умение находить нестандартные способы достижения целей, формально не нарушая букву закона, но подрывая его дух; «Рационализация неэтичных поступков» – склонность конструировать убедительные нарративы, превращающие нарушение в «вынужденную меру» или «незначительную уступку».

Конструктная (или факторная) валидность опросника проверялась факторизацией данных. Для проверки конвергентной валидности шкалы неэтичной креативности использовался комплекс методик. Предполагалось, что неэтичная креативность вместе с макиавеллизмом, субклинической психопатией, скрытым нарциссизмом и психологическим превосходством образуют в эмпирической картине так называемую «темную пятерку» (темную пентаду, Dark Pentad). Для этого использовались следующие методики.

Короткий опросник Темной триады (Short Dark Triad, SD3) – методика, разработанная Д.Н. Джонсом и Д.Л. Полхусом [12] в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой и О.В. Паршиковой [13]. Для настоящего исследования использовались 2 субшкалы: «макиавеллизм» и «психопатия».

Шкала сензитивного нарциссизма (Hypersensitive Narcissism Scale, HSNS) – разработанная Х. М. Хендином и Дж. М. Чиком [14] в адаптации Д.С. Корниенко и Е.В. Ничепорук [15]. Опросник включает 10 пунктов, оцениваемых по шкале Лайкерта, и измеряет два взаимосвязанных фактора: эгоцентризм (погруженность в собственные переживания, ощущение собственной уникальности и исключительности) и сверхчувствительность к оценкам (повышенная уязвимость к мнению окружающих, склонность воспринимать обратную связь как угрозу самооценке). Оба фактора отражают сензитивный, или скрытый, тип

нарциссизма, характеризующийся внутренней неуверенностью, сочетающейся с грандиозными фантазиями.

Психологическое превосходство оценивалось посредством 9-пунктной шкалы В.К. Кэмпбелла [16] в адаптации А.А. Максименко с соавторами [17], которая оценивала склонность респондента к ощущению собственной исключительности и превосходства над окружающими.

Опросник ориентации на социальное доминирование (ОСД) – русскоязычная версия методики, разработанной Ф. Пратто и Дж. Сиданиусом [18] в адаптации А.А. Максименко и коллег [19]. Опросник состоит из 16 пунктов, оцениваемых по семибалльной шкале Лайкерта, и включает две субшкалы: «Антиэгалитаризм» – принятие групповой иерархии и неравенства; «Эгалитаризм» – ориентация на равенство групп; дополнительно выделяется фактор «Конкуренция».

Для оценки коррупционных намерений использовалась 12-пунктная *Шкала коррупционных намерений (ШКН) (Corrupt Intention Scale, CIS)*, разработанная К. Р. Понсе-Диасом с коллегами [20] в адаптации А.А. Максименко и О.С. Дейнека. Инструмент измеряет готовность личности к совершению коррупционных действий и состоит из 3-х взаимосвязанных компонентов: воспринимаемого поведенческого контроля (4 пункта), интенции поведения (5 пунктов) и субъективных норм (3 пункта).

Кроме того, участники исследования заполнили анкету, включающую социально-демографические информацию (возраст, пол, место проживания, субъективный уровень дохода, степень религиозности, уровень образования и сведения о семейном положении).

Данные обрабатывались при помощи программы jamovi 2.6.44. Осуществлялся анализ основных статистик, эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с вращением варимакс и корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты.

Проверка надежности и факторной валидности Шкалы неэтичной креативности оказалась успешной. Коэффициент альфа Кронбаха для всей шкалы из девяти пунктов составил 0,918 и коэффициент омега Макдональда 0,918 свидетельствуют о высокой степени однородности пунктов. Анализ влияния отдельных пунктов на надежность показал, что удаление любого из них практически не изменяет значения коэффициентов: α варьировалась от 0,906 до 0,911, ω – от 0,907 до 0,912, что подтверждает сопоставимый вклад в общий показатель данных по отдельным пунктам опросника.

Для проверки внутренней структуры методики был проведен эксплораторный факторный анализ. Пригодность данных для факторизации оценивалась с помощью меры адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина (КМО = 0,932) и теста сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 3705$, $df = 36$, $p < 0,001$), что подтверждает наличие корреляций между переменными, достаточ-

ных для выделения факторов. Индивидуальные показатели MSA для каждого пункта варьировались от 0,913 до 0,945, что указывает на высокую меру адекватности для всех утверждений шкалы. Анализ собственных значений и график каменистой осыпи указывали на возможность выделения двух факторов, объясняющих 53,4% совокупной дисперсии.

Факторный анализ позволил выделить два содержательно интерпретируемых фактора (табл. 1). *Первый фактор*, названный нами «**Рационализация нарушений**», с высокими нагрузками объединил пункты 5, 6, 7, 8 и 9. Наибольшие нагрузки зафиксированы по пункту 8 (0,771) и пункту 7 (0,768). Данный фактор отражает способность находить убедительные объяснения и оправдания для отступления от правил, интерпретировать нормативные ограничения в свою

пользу и переопределять неэтичные действия как вынужденные или оправданные обстоятельствами. *Второй фактор*, интерпретированный как «**Когнитивная гибкость в оправдании нарушений**», с высокими нагрузками объединил пункты 1, 2 и 3. Наибольшая нагрузка зафиксирована по пункту 2 (0,848). Данный фактор отражает способность быстро генерировать аргументы и обоснования для нестандартных действий в ситуациях, когда правила и инструкции создают препятствия. Пункт 4 («Я часто нахожу способы добиться цели, не нарушая прямых запретов, но обходя их дух») продемонстрировал перекрестную нагрузку на оба фактора (0,575 и 0,547 соответственно) и ввиду неоднозначной интерпретации выполняет буферную функцию, не принимая участия в расчетах.

Таблица 1.
Факторная структура данных опросника неэтичной креативности.

Утверждения	Факторы		Уникальность
	Фактор 1	Фактор 2	
1. В сложных ситуациях я могу найти веские причины для отступления от общепринятых правил		0.687	0.383
2. Я способен убедительно обосновать действие, которое формально противоречит инструкции, если оно ведет к нужному результату		0.848	0.210
3. Для каждой нестандартной ситуации я могу предложить оправдание, которое не вызовет вопросов у окружающих		0.810	0.229
4. Я часто нахожу способы добиться цели, не нарушая прямых запретов, но обходя их дух	0.575	0.547	0.370
5. Мне несложно придумать, как интерпретировать правило так, чтобы оно перестало быть препятствием	0.635		0.380
6. В работе я предпочитаю находить нестандартные пути, даже если они формально находятся на грани допустимого	0.756		0.341
7. Если я вынужден нарушить правила, я всегда могу объяснить это объективными обстоятельствами	0.768		0.303
8. Иногда отступление от норм оправдано более важными целями, и я умею это доказать	0.771		0.292
9. Я склонен рассматривать свои нестандартные решения как вынужденные, а не как нарушение этики	0.768		0.327

Для проверки конвергентной валидности разработанной шкалы был проведен корреляционный анализ между двумя выделенными факторами опросника неэтичной креативности («Рационализация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений») и социально-демографическими, личностными и морально-психологическими переменными.

Ожидаемо сильные положительные корреляции обнаружены между обоими факторами неэтичной креативности и конструктами «темной» стороны личности. Оба фактора положительно коррелируют с макиавеллизмом ($r = 0,467, p < 0,001$; $r = 0,526, p < 0,001$), психопатией ($r = 0,276, p < 0,001$; $r = 0,203, p < 0,001$), эгоцентризмом как компонентом скрытого нарциссизма ($r = 0,303, p < 0,001$; $r = 0,318, p < 0,001$) и сверхчувствительностью к оценкам ($r = 0,212, p < 0,001$; $r =$

$0,229, p < 0,001$). Наиболее сильные связи обоих факторов методики были зафиксированы с психологическим превосходством: $r = 0,456, p < 0,001$; $r = 0,405, p < 0,001$. Все три субшкалы ориентации на социальное доминирование также положительно коррелируют с обоими факторами неэтичной креативности: антиэгалитаризм ($r = 0,185, p < 0,001$; $r = 0,260, p < 0,001$), эгалитаризм ($r = 0,268, p < 0,001$; $r = 0,239, p < 0,001$) и конкуренция ($r = 0,395, p < 0,001$; $r = 0,448, p < 0,001$).

Особый интерес представляют корреляции между факторами неэтичной креативности и коррупционными намерениями. Оба фактора демонстрируют положительные связи со всеми тремя компонентами Шкалы коррупционных намерений. Для фактора «Рационализация нарушений» наиболее сильная связь зафиксирована с интенцией поведения ($r = 0,500, p <$

0,001), с воспринимаемым поведенческим контролем ($r = 0,436$, $p < 0,001$) и субъективными нормами ($r = 0,392$, $p < 0,001$). Для фактора «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» наиболее сильная связь также с интенцией поведения ($r = 0,422$, $p < 0,001$), с субъективными нормами ($r = 0,395$, $p < 0,001$) и воспринимаемым поведенческим контролем ($r = 0,385$, $p < 0,001$). Таким образом, неэтичной креативность в обоих ее аспектах (когнитивная гибкость и рационализация) тесно связана с готовностью к коррупционным действиям, причем наиболее выраженная связь прослеживается с интенцией поведения – центральным компонентом коррупционных намерений согласно теории запланированного поведения.

Связи с социально-демографическими характеристиками показали, что оба фактора неэтичной креативности обнаруживают слабые, но статистически значимые положительные корреляции с количеством детей у респондентов ($r = 0,091$, $p < 0,05$; $r = 0,079$, $p < 0,05$), видимо, конкуренция между детьми за внимание родителей вынуждает последних проявлять такого рода креативность. Кроме того, второй фактор (когнитивная гибкость в оправдании нарушений) положительно коррелирует с возрастом ($r = 0,107$, $p < 0,01$), т.е. у людей более старшего возраста гибкость оказалась более выраженной, что может быть связано с большим жизненным опытом. Остальные социально-демографические параметры не обнаружили корреляций с неэтичной креативностью, подчеркивая ее личностный характер.

Обсуждение результатов проведённого исследования.

Выделенные в ходе факторного анализа два компонента неэтичной креативности – «Рационализация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» – отражают два взаимосвязанных, но различных когнитивных механизма. Первый связан с глубиной и убедительностью конструируемых оправданий, тогда как второй – со скоростью и гибкостью генерации таких обоснований. Такое различие согласуется с классическими теоретическими представлениями о природе креативности как процесса, включающего как беглость и гибкость мышления, так и способность к детальной проработке альтернатив [21].

В контексте неэтичной креативности, эти два аспекта приобретают специфическое содержание: гибкость позволяет быстро находить обходные пути в условиях нормативных ограничений, а рационализация – превращать их в убедительные и социально приемлемые объяснения.

Полученная двухфакторная структура может быть осмыслена в рамках теории двойственного процесса мышления [22], согласно которой быстрые, интуитивные решения (когнитивная гибкость) и медленные, рефлексивные обоснования (рационализация) задействуют различные когнитивные системы. При этом оба механизма служат единой цели: снижению внутреннего морального конфликта при совершении неэтичных поступков, что согласуется с теорией отчуждения моральной ответственности [7].

Особого внимания заслуживают корреляции факторов неэтичной креативности с коррупционными намерениями. Оба фактора продемонстрировали устойчивые положительные связи со всеми тремя компонентами Шкалы коррупционных намерений: воспринимаемым поведенческим контролем, интенцией поведения и субъективными нормами. Наиболее сильные корреляции зафиксированы с интенцией поведения – центральным компонентом коррупционных намерений согласно теории запланированного поведения (Ajzen, 1991). Это указывает на то, что неэтичная креативность непосредственно связана с готовностью к коррупционным действиям, а не только с оправданием уже совершенных поступков.

Когнитивная гибкость, позволяющая быстро находить обходные пути и аргументы, и рационализация, превращающая нарушения в «вынужденные меры», выступают как два параллельных когнитивных механизма, облегчающих переход от темных личностных черт к реальным коррупционным намерениям. Можно предположить, что неэтичная креативность выполняет функцию «мостика» между диспозиционными факторами (макиавеллизмом, психопатией, нарциссизмом, психологическим превосходством) и поведенческими интенциями, позволяя человеку конструировать убедительные оправдания для действий, которые в ином случае были бы заблокированы внутренними моральными запретами.

Оба фактора неэтичной креативности положительно связаны с макиавеллизмом, субклинической психопатией, скрытым нарциссизмом, психологическим превосходством и ориентацией на социальное доминирование. Наиболее сильные связи зафиксированы с психологическим превосходством, что указывает на ключевую роль чувства собственной исключительности в формировании готовности к использованию неэтичной креативности. Эти результаты согласуются с теорией морального лицензирования [23], согласно которой люди с завышенной самооценкой склонны воспринимать себя как исключение из общих норм, что облегчает оправдание нарушений.

Заключение.

Разработанный опросник неэтичной креативности продемонстрировал высокие психометрические характеристики, включая отличную внутреннюю согласованность и четкую двухфакторную структуру.

Выделенные факторы «Рационализация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» отражают два взаимосвязанных когнитивных механизма, лежащих в основе способности личности к оправданию и рационализации неэтичных поступков.

Особую значимость представляют корреляции неэтичной креативности с коррупционными намерениями. Оба фактора показали устойчивые положительные связи со всеми тремя компонентами коррупционных намерений, причем наиболее сильные – с интенцией поведения. Это свидетельствует о том, что неэтичная креативность тесно сопряжена с готовностью к коррупционным действиям, а ее когнитивные меха-

низмы (гибкость в оправдании нарушений и способность к рационализации) участвуют в формировании коррупционных намерений.

Разработанный опросник может быть использован в исследовательских целях для изучения психологических механизмов неэтичного поведения, а также в прикладных областях: кадровой диагностике, антикоррупционном рекрутинге и профилактике неэтичного поведения в организациях.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются проверка дискриминантной валидности опросника, его апробация на более разнообразных выборках, а также изучение медиационных моделей, в которых неэтичная креативность выступает в качестве связующего звена между темными чертами личности и реальным неэтичным поведением.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Cropley, D.H., Cropley, A.J., Kaufman, J.C., Runco, M. A. (Eds.). (2010). *The dark side of creativity*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511761225
2. Clark, K., James, K. (1999). Justice and positive and negative creativity. *Creativity Research Journal*, 12(4), 311-320. DOI: 10.1207/s15326934crj1204_9
3. Harris, D.J., Reiter-Palmon, R. (2015). Fast and furious: The influence of intuitive thinking and dark triad traits on malevolent creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 9(1), 54-64. DOI: 10.1037/a0038499
4. Kapoor, H., Kaufman, J. C. (2022). The evil within: The AMORAL model of dark creativity. *Theory & Psychology*, 32(3), 467-490. DOI: 10.1177/09593543221074326 EDN: NWKBBX
5. Gino, F., Ariely, D. (2012). The dark side of creativity: Original thinkers can be more dishonest. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 445-459. DOI: 10.1037/a0026406
6. Mai, K. M., Ellis, A. P. J., Welsh, D. T. (2015). The gray side of creativity: Exploring the role of activation in the link between creative personality and unethical behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 60, 76-85. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.05.004
7. Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193-209. DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3 EDN: JPBNNP
8. Keem, S., Shalley, C. E., Kim, E., Jeong, I. (2018). Are creative individuals bad apples? A dual pathway model of unethical behavior. *Journal of Applied Psychology*, 103(4), 416-431. DOI: 10.1037/apl0000290
9. Zheng, X., Qin, X., Liu, X., & Liao, H. (2019). Will creative employees always make trouble? Investigating the roles of moral identity and moral disengagement. *Journal of Business Ethics*, 157(3), 653-672. DOI: 10.1007/s10551-017-3683-3 EDN: OXXIOP
10. Jonason, P.K., Luevano, V.X., & Adams, H.M. (2012). How the Dark Triad traits predict relationship choices. *Personality and Individual Differences*, 53(3), 180-184. DOI: 10.1016/j.paid.2012.03.007
11. Крылова, Д.В., Максименко, А.А. (2022b). Роль искусственного интеллекта в антикоррупционном рекрутинге // *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*, 8(2), 94-107. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-9 EDN: FUFUDM
12. Jones, D.N., Paulhus, D.L. (2014). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A brief measure of dark personality traits. *Assessment*, 21(1), 28-41. DOI: 10.1177/1073191113514105
13. Егорова М.С., Паршикова О.В., Ситникова М.А. Адаптация Короткого опросника Темной триады // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 43. EDN: WAOUNZ
14. Hendin, H.M., & Cheek, J.M. (1997). Assessing hypersensitive narcissism: A reexamination of Murray's Narcism Scale. *Journal of Research in Personality*, 31(4), 588-599. DOI: 10.1006/jrpe.1997.2204
15. Корниенко, Д.С., Ничепорук, Е.В. (2025). Сензитивный нарциссизм: структура шкалы и связи с чертами темной тетрады // *Психологический журнал*, 46(6), 79-89. DOI: 10.7868/s3034588x25060084 EDN: DGNHWV
16. Campbell, W. K., Bonacci, A. M., Shelton, J., Exline, J. J., Bushman, B. J. (2004). Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure. *Journal of personality assessment*. 83(1): 29-45. DOI: 10.1207/s15327752jpa8301_04
17. Максименко, А.А., Загладина, А.Р., Дейнека, О.С. (2025). Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства. *Психология и право*, 15(3): 224-239. DOI: 10.17759/psylaw.2025150315 EDN: MIRKWC
18. Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L. M., & Malle, B. F. (1994). Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741-763. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.741 EDN: HITRET
19. Максименко, А. А., Крылова, Д. В., Дейнека, О. С. (2023). Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем социального доминирования. *Российский психологический журнал*, 20(3), 274-294. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.15 EDN: LIIGTL
20. Ponce Diaz, C.R., Aiquipa Tello, J.J., Pacheco Luza, E.F. (2025). Psychological insight into corruption: construction and validation of the Corrupt Intention Scale (CIS). *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 38(1), Article 15. 10.1186/s41155 025 00352 3. DOI: 10.1186/s41155025003523
21. Guilford, J.P. (1967). *The nature of human intelligence*. McGraw-Hill.
22. Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
23. Merritt, A. C., Effron, D. A., & Monin, B. (2010). Moral self-licensing: When being good frees us to be bad. *Social and Personality Psychology Compass*, 4(5), 344-357. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2010.00263.x

References:

1. Cropley, D. H., Cropley, A. J., Kaufman, J. C., Runco, M. A. (eds.). (2010). *The Dark Side of Creativity*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511761225
2. Clark K., James K. (1999). Justice and Positive and Negative Creativity. *Journal of Creativity*, 12(4), 311-320. DOI: 10.1027/s15326934crj1204_9
3. Harris D. J., Reiter-Palmon R. (2015). Fast and furious: the influence of intuitive thinking and traits of the “dark triad” on malicious creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 9(1), 54–64. DOI: 10.1037/a0038499
4. Kapoor H., Kaufman J. C. (2022). Evil Within: An Amoral Model of Dark Creativity. *Theory & Psychology*, 32(3), 467-490. DOI: 10.1177/09593543221074326 EDN: NWKBBX
5. Gino F., Arieli D. (2012). The dark side of creativity: original thinkers may be more dishonest. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102(3), 445-459. DOI: 10.1037/a0026406
6. May K. M., Ellis A. P. J., Welsh D. T. (2015). The dark side of creativity: examining the role of activation in the relationship between creativity and unethical behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 60, 76–85. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.05.004
7. Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhuman acts. *Review of Personality and Social Psychology*, 3(3), 193–209. DOI: 10.1207/s15327957pspr0301_3 EDN: JPBNLP
8. Kim S., Shelley C. E., Kim E., Jeong I. (2018). Are creative individuals “black sheep”? A dual-manifestation model of unethical behavior. *Journal of Applied Psychology*, 103(4), 416-431. DOI: 10.1037/apl0000290
9. Zheng H., Qin H., Liu H. and Liao H. (2019). Will creative employees always create problems? A study of the role of moral identity and moral disengagement. *Journal of Business Ethics*, 157 (3), 653-672. DOI: 10.1007/s10551-017-3683-3 EDN: OXXIOP
10. Johnson P. K., Luevano V. H., Adams H. M. (2012). How the traits of the “dark triad” influence partner selection. *Personality and Individual Differences*, 53(3), 180–184. DOI: 10.1016/j.paid.2012.03.007
11. Krylova D.V., Maksimenko A.A. (2022b). The role of artificial intelligence in anti-corruption recruitment // *Scientific Result. Business and Service Technologies*, 8(2), 94-107. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-9 EDN: FUFUDM
12. Jones, D. N., Paulhus, D. L. (2014). Introducing the Short Dark Triad (SD3): a brief questionnaire for assessing the dark sides of personality. *Assessment*, 21(1), 28-41. DOI: 10.1177/1073191113514105
13. Egorova M.S., Parshikova O.V., Sitnikova M.A. Adaptation of the Short Dark Triad Questionnaire // *Psychological Research*. 2015. Vol. 8, No. 43. EDN: WAOUNZ
14. Hendin, H.M., & Cheek, J.M. (1997). Assessing hypersensitive narcissism: a revision of Murray’s narcissism scale. *Journal of Research in Personality*, 31(4), 588-599. DOI: 10.1006/jrpe.1997.2204
15. Kornienko D. S., Nicheporuk E. V. (2025). Sensitive narcissism: scale structure and relationship with the traits of the dark tetrad // *Psychological Journal*, 46(6), 79-89. DOI: 10.7868/s3034588x25060084 EDN: DGNHVV
16. Campbell W. K., Bonacci A. M., Shelton J., Exline J. J., Bushman B. J. (2004). Psychological oppression: interpersonal consequences and validation of a self-report measure. *Journal of personality assessment*. 83(1): 29-45. DOI: 10.1207/s15327752jpa8301_04
17. Maksimenko, A.A., Zagladina, A.R., Deineka, O.S. (2025). Does belief in a just world contribute to reducing the level of corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological superiority. *Psychology and Law*, 15(3): 224-239. DOI: 10.17759/psylaw.2025150315 EDN: MIRKWC
18. Pratto F., Sidanius J., Stallworth L. M., Malle B. F. (1994). Orientation toward social dominance: a personality characteristic that predicts social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741–763. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.741 EDN: HITRET
19. Maksimenko, A. A., Krylova, D. V., Deineka, O. S. (2023). The degree of condemnation of corruption among Russians with different levels of social dominance. *Russian Psychological Journal*, 20(3), 274-294. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.15 EDN: LIIGTL
20. Ponce Díaz C. R., Ayikpa Tello J. J., Pacheco Luz E. F. (2025). A psychological approach to the problem of corruption: the development and validation of the Corrupt Intention Scale (CIS). *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 28(1), article 15. 10.1186/s41155-025-00352-3. DOI: 10.1186/s41155025003523
21. Guilford, J. P. (1967). *The nature of human intelligence*. McGraw-Hill.
22. Kahneman, D. (2011). *Think slowly... decide quickly*. Farrar, Straus and Giroux.
23. Merritt, A. K., Effron, D. A., Monin, B. (2010). Moral self-justification: when good deeds free us from the need to be bad. *Social and Personality Psychology Compass*, 4(5), 344–357. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2010.00263.x

Приложение

Опросник неэтичной креативности

Инструкция. Ниже приведен ряд утверждений, касающихся различных аспектов коррупции. Пожалуйста, оцените, насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них. Для этого используйте следующую шкалу, где 1 – полностью не согласен, а 5 – полностью согласен.

1. В сложных ситуациях я могу найти веские причины для отступления от общепринятых правил.
2. Я способен убедительно обосновать действие, которое формально противоречит инструкции, если оно ведет к нужному результату.
3. Для каждой нестандартной ситуации я могу предложить оправдание, которое не вызовет вопросов у окружающих.
4. Я часто нахожу способы добиться цели, не нарушая прямых запретов, но обходя их дух.
5. Мне несложно придумать, как интерпретировать правило так, чтобы оно перестало быть препятствием.
6. В работе я предпочитаю находить нестандартные пути, даже если они формально находятся на грани допустимого.
7. Если я вынужден нарушить правила, я всегда могу объяснить это объективными обстоятельствами.

8. Иногда отступление от норм оправдано более важными целями, и я умею это доказать.

9. Я склонен рассматривать свои нестандартные решения как вынужденные, а не как нарушение этики.

Ключ для подсчета результатов:

Рационализация нарушений (способность личности находить убедительные объяснения и оправдания для отступления от правил, интерпретировать нормативные ограничения в свою пользу и переопределять неэтичные действия как вынужденные или оправданные обстоятельствами) включает пункты: 5, 6, 7, 8, 9.

Когнитивная гибкость в оправдании нарушений (способность быстро генерировать аргументы и обоснования для нестандартных действий в ситуациях, когда правила и инструкции создают препятствия) включает пункты: 1, 2, 3.

Пункт 4 (с перекрестной нагрузкой) не вошел в финальную версию опросника и выполняет буферную функцию.

Общий балл вычисляется как сумма ответов по 8-ми пунктам. Чем выше суммарный балл, тем более выражена способность индивида к аморальной креативности.

Информация об авторах:

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия, maximenko.al@gmail.com

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, maximenko@gmail.com

Загладина Александра Романовна, стажер-исследователь департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», maximenko.a@gmail.com

Alexander A. Maksimenko, Doctor of Sciences in Sociology, Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor, Professor at the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Olga S. Deyneka, Doctor of Sciences in Psychology, Professor, Professor at the Department of Political Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Alexandra R. Zagladina, Research Intern, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.09.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.09.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.